

Изучение китайской философии и религии в России в начале XXI в.*

© 2013

М.Титаренко, А.Ломанов

В статье рассмотрены основные тенденции и научные события в изучении китайской философии и религии в России после 2000 г. Среди ведущих научных направлений выделены создание комплексной энциклопедии «Духовная культура Китая», изучение наследия неоконфуцианства, роли китайской философии нового и новейшего времени в контактах цивилизаций Китая и Запада, исследование практических аспектов современной религиозной жизни в Китае.

Ключевые слова: Россия, китаеведение, философия, религия, цивилизация

В области изучения китайской философии и религии в России наиболее заметным событием первого десятилетия XXI в. стало издание комплексной шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая»¹. Отечественные ученые полтора десятилетия трудились над подготовкой этой работы, в итоге им удалось осуществить задачу, которую их предшественники поставили еще в первой половине XX в.

Путь к созданию энциклопедических справочников о Китае

Первым шагом в направлении создания авторитетного всеобъемлющего справочного издания стал изданный в 1940 г. сборник «Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость»². В книгу вошли два десятка статей о различных аспектах жизни Китая, написанные ведущими исследователями. Помимо материалов об истории, современной политике и экономике, в сборнике были опубликованы статьи о традиционной культуре (А.А. Петров «Очерк философии Китая», В.М. Алексеев «Китайская литература (историко-библиографический очерк)», Г.О. Монзелер «Религии в Китае»).

Сборник «Китай» стал моделью для последующих изданий справочно-аналитических трудов о Китае и других странах. К 50-летию КНР в 1999 г. ИДВ РАН выпустил фундаментальный труд «Китай на пути модернизации и реформ»³, который по форме и по методологии построения содержания следовал примеру сборника 1940 г. В книгу вошла статья В.Ф. Феоктистова, посвященная рассмотрению процессов формирования российской философской синологии и ее специфических черт⁴. Помимо этого, в сборнике были опубликованы статьи, посвященные теории социализма с китайской спецификой, диалогу культурных традиций России и Китая, религиозной ситуации в совре-

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, доктор философских наук, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант №12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

менном Китае, актуальным тенденциям в развитии китайской культуры. Эта книга сыграла важную позитивную роль в создании объективного образа Китая и преодолении в общественном сознании россиян негативных стереотипов восприятия соседней страны, накопившихся в 1960–1980-е гг. в период советско-китайского идеологического и политического противостояния.

Одним из редакторов сборника «Китай» 1940 г. был выдающийся отечественный китаевед В.М. Алексеев (1881–1951), неустанно призывавший к созданию и активному использованию справочных изданий по Китаю. Ученый читал серию курсов под общим названием «Энциклопедия китайской культуры», ее составными частями были «культура, история, литература, языки, китайская наука, европейская синология, искусство, быт, лекции путешественникам и т.д.»⁵.

В 1930-е годы В.М. Алексеев указывал, что потребность в справочных изданиях обусловлена большими изменениями, происходящими в языке и в китайской культуре в целом. Прежняя образовательная система, построенная на заучивании текстов, ушла в прошлое. Если прежде в Китае «справочником» служил сам изучаемый текст, то теперь образованным людям, испытавшим влияние западной культуры, требуется внешнее толкование текста. «Ныне без механического энциклопедизма китайцам, как и нам, очень трудно контролировать точное и уверенное понимание текста, которое уже не основано на былой их синтетической подготовке текстами к текстам (основными — ко всяким дальнейшим), создававшими интуицию начетчика как некую музыку, звучавшую в неограниченном количестве мелодий, которые определяли как основные мотивы текста, так и все его нюансы...»⁶.

Таким образом, когда внутри Китая образованные люди утрачивают прежний целостный подход в понимании классики, за рубежом китаеведам приходится заниматься изучением современных проблем, и они также не могут сосредоточить все силы на постижении китайских памятников разных эпох. В этой ситуации роль более или менее полного словаря китайского языка и тематических справочников по китайской культуре растет как в Китае, так и за его пределами, хотя — и В.М. Алексеев постоянно предупреждал об этом — для настоящего китаеведа использование таких пособий не может заменить работу с китайским текстом, справочник «координирует знания», но не замещает их. Ученый подчеркивал важность самостоятельной работы китаеведов по составлению собственных справочных инструментов, каталогов и индексов. Вместе с тем, он призывал в полной мере снабдить студентов-китаеведов зарубежными справочными изданиями, отмечая, что «читать и старый, и современный китайский текст без китайского справочника значит обрекать себя и своих читателей на весьма убогое и экзотичное понимание вещей»⁷.

В конце 1930-х годов В.М. Алексеев начал фундаментальную работу по подготовке наиболее полного китайско-русского словаря, который включал бы в себя все богатство китайского языка с древности до наших дней. В опубликованных в 1948 г. материалах для обсуждения концепции будущего словаря ученый подчеркивал, что это должен быть «словарь всего китайского культурного наследия», «словарь китайской научной и культурной современности», «словарь человека, интересующегося Китаем и его научно изучающим»⁸. Эту работу продолжила группа учеников В.М. Алексеева во главе с И.М. Ошаниным, в итоге китайско-русский словарь был издан в 1952 г., а затем в 1983–1984 гг. появился «Большой китайско-русский словарь» в четырех томах⁹.

Уже в довоенные годы в нашей стране возникла проблема популяризации знаний о Китае. Аудитория, нуждавшаяся в справочных изданиях, заметно расширилась. Иностранные указатели и толкования к китайским классическим текстам, которые требуются ограниченному числу профессиональных исследователей, удовлетворить эту потреб не могли. В 1944 г. В.М. Алексеев призвал снабдить китаеведов, прежде всего начинающих, справочными изданиями по китайской культуре на русском языке. Тогда они смогли бы

использовать эти справочники еще до того, как уровень знания языка позволит им обратиться к китайским изданиям. Ученый допускал, что первым шагом может стать перевод китайских справочников, однако вслед за этим следует опубликовать книги, подготовленные отечественными авторами. «Мне думается, что нам прежде всего необходимы энциклопедии, специально посвященные Китаю, со статьями наших советских ученых о стране и ее культуре. Тогда и дальнейшая любознательность, и затем научная подготовка кадров, пойдут совершенно иными путями и темпами, а не так, как бывает, когда люди садятся за изучение языка, ничего не зная о стране и культуре. Я легко себе представляю, как начинающий китаист с такую энциклопедией в руках явится уже не начинающим, а завершенным, и сам процесс овладения языком не будет уже для него решением уравнения со многими неизвестными, как то было до сих пор, когда ему приходилось решать и задачу текста, и задачу знания предмета одновременно»¹⁰.

Образование КНР вызвало в нашей стране устойчивый и широкий интерес общественности к истории и культуре великого соседа, что способствовало появлению и распространению справочных изданий о Китае. В 1954 г. в виде отдельной книги была издана статья «Китай» из Большой советской энциклопедии¹¹. Это компактное издание охватывало также проблемы китайской культуры, раздел «Философия» был подготовлен китайским ученым Хоу Вайлу, исследовавшим историю философии с марксистских позиций. Вместе с тем, поставленная В.М. Алексеевым задача создания энциклопедий о Китае была далека от воплощения. Лишь через несколько десятилетий формирование научных школ, расширение тематики отечественных синологических исследований и публикация достигнутых результатов в виде многочисленных статей и монографий создали необходимую основу для подготовки обобщающих справочных изданий.

Издание в 1994 г. первого в истории западного китаеведения энциклопедического словаря «Китайская философия»¹² позволило научному коллективу ИДВ РАН накопить ценный опыт систематизации материала китайской культуры, стандартизации трактовки китайской философской терминологии с одновременным выявлением ее глубины и многозначности. Эта работа оказала существенное влияние на развитие философской синологии в России. Новые знания были получены благодаря подготовке академических переводов канонов китайской мудрости, стали шире представления о методологии исследований, включавшей сравнительный анализ содержания категориальных аппаратов и логики построения философских систем китайских и западных мыслителей соответствующих эпох.

Однако спрос на универсальные энциклопедические работы по китайской культуре оставался неудовлетворенным. В 1999 г. появился небольшой словарь-справочник исследователя истории древнекитайской мысли Г.А. Ткаченко «Культура Китая». В книгу вошли 250 словарных статей, относящихся к истории, философии, религии, мифологии и искусству¹³. Попытку представить свой особый всеобъемлющий, но вместе с тем субъективный личностный взгляд на китайскую цивилизацию¹⁴, предпринял живущий и работающий ныне на Тайване российский исследователь В.В. Малявин (первоначально ученый входил в состав редакционного совета будущей академической энциклопедии китайской культуры). Книга содержала главы, посвященные китайской философии (классические школы китайской морали, философская традиция, эпохи китайской философии) и религии (народные верования и культы, буддизм, даосизм, синкретические религии, иностранные религии).

Проблемы философии в энциклопедии «Духовная культура Китая»

В середине 1990-х годов в ИДВ РАН под руководством и по инициативе М.Л. Титаренко началась работа по подготовке многотомной энциклопедии «Духовная культура Китая». Она была призвана в обобщенном виде рассказать о самобытности, внут-

ренней целостности и многообразии китайской цивилизации с древности до наших дней. Требовалось совместить строгие научные стандарты с просветительскими целями проекта, призванного показать не только динамику развития китайской культуры, выявить связь древности и современности, но и раскрыть место и роль китайской цивилизации в мировой культуре. Это справочное издание должно было удовлетворить запросы образованной аудитории, стремившейся расширить познания о Китае и стать ценным подспорьем для начинающих китаеведов. Заместитель главного редактора энциклопедии А.И. Кобзев заметил, что в конце XX в. на Западе в академических кругах появилась необходимость структурировать и обобщить знания, накопленные за четыре века знакомства с Китаем и два века его изучения. «Как любая нормальная наука, синология, развиваясь, настолько дифференцировалась, что стала уделом не энциклопедистов, а специалистов, которым необходимы энциклопедии»¹⁵. Иными словами, энциклопедия учитывает глубоко профессиональные интересы китаеведов, стремящихся получить достоверную обобщенную информацию о тех или иных сферах китайской культуры, ознакомиться с достигнутым уровнем исследований и библиографией основных трудов по этим направлениям.

Составители и авторы этого фундаментального труда исходили из понимания того, что современное развитие Китая и его очевидные феноменальные успехи в экономическом, социальном и культурном развитии невозможно объективно и целостно понять и объяснить без проникновения в основы китайской традиционной цивилизации и прежде всего философии. «Энциклопедия создавалась как ответ на научные и образовательные запросы современности в связи с необычайным ростом общественного интереса к китайской культуре, опыту модернизации этой страны. Авторы и составители энциклопедии учитывали не только значительное влияние китайской духовности на формирование культур многих соседних с Китаем стран, но и тот факт, что китайская культура составляет весомую часть сокровищницы мировой культуры. Кроме того, принималось во внимание и то, что быстро меняющийся в ходе осуществления политики реформ и открытости Китай становится одной из мировых держав, определяющих во многом будущее человечества и мировой цивилизации»¹⁶.

Каждый из томов энциклопедии открывается с рассмотрения вводных и общих вопросов в обзорных статьях, позволяющих читателю получить предварительное представление о предмете. Далее следует словарный раздел, в котором в алфавитном порядке располагаются статьи о китайской терминологии, течениях мысли, школах и группах, персоналиях и произведениях. Третий раздел каждого тома призван помочь читателю найти в книге нужную информацию, в него входят подробные указатели (имена, термины, понятия, течения и организации, произведения); помимо этого, для продолжения поиска интересных сведений можно обратиться к тематической библиографии отечественных изданий за последние полвека.

Первый том «Философия» вобрал в себя в переработанном виде часть материалов из словаря «Китайская философия», в нем также появились новые обзорные статьи «Философия и духовная культура Китая», «Самоопределение китайской философии», «Категории и основные понятия китайской философии», «Логика и диалектика в Китае», «Китайская этическая мысль», «Китайская эстетическая мысль». Главный вывод, который вытекает из многоплановых академических исследований истории китайской мысли, сводится к тому, что присущая китайскому менталитету глубокая историческая память, уважение к истории и традициям служат мощной основой китайской национальной идентичности и регулятором в отношениях китайской культуры с культурами других народов. Именно этим определяется тот факт, что все заимствования из других культур во все исторические эпохи получали «право гражданства» в китайской культуре лишь после прохождения стадии китаизации, а все нарождающееся новое должно проходить стадию

установления национальных первоисточков. В Китае новое рождается на основе отбрасывания устаревшего, но это не огульное уничтожение, а «снятие» старого.

Второй том «Мифология. Религия» открывают обобщающие статьи о китайской мифологии и ее изучении в Китае и за рубежом, народных верованиях и государственных культах, мировоззренческих категориях, мантике и астрологии. В книге приводится сводный очерк исторического развития религиозной ситуации в Китае, рассматриваются конфуцианский культ, даосизм, буддизм, синкретические секты, иностранные религии (христианство, включая Православие, ислам, иудаизм, зороастризм, манихейство). По содержанию книга очень близко примыкает к тому «Философия». «Эти два начальных тома в наибольшей степени связаны друг с другом и могут рассматриваться как самостоятельный двухтомник, посвященный единому духовному комплексу философско-теологической мысли и религиозно-мифологического сознания, основанному на общей терминологической, текстологической и ритуально-литургической базе»¹⁷.

Помимо этого, важные аспекты китайской традиционной научной методологии, имевшей философскую подоплеку, рассмотрены в пятом томе «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование». В общем разделе тома рассматриваются методологические науки (нумерология, математика), науки о небе (астрология, астрономия, метеорология, календарь), физические науки, науки о земле (включая геомантию *фэн шуй*), инженерная мысль, науки о превращении веществ (алхимия, химия), науки о жизни и человека (биология, медицина, эротология, макробиотика). Составители тома подчеркивали, что его структура построена на оригинальном сочетании китайской и западной науковедческих моделей — в частности, в словарный раздел вошла статья о китайской синологии-*госюэ*. Тематическое многообразие тома соответствовало широте китайского традиционного понимания науки, охватывающей гуманитарные и естественные сферы, практические и псевдонаучные с современной точки зрения дисциплины (астрологию, алхимию, геомантию). Подобное понимание объединяет китайскую науку с философией и религией в единое синкретическое целое, что неразрывно связывает т. 5 ст. 1–2.

Создание энциклопедии стало делом большого коллектива отечественных исследователей китайской культуры — помимо ученых из ИДВ РАН, в ней принимали участие специалисты из других синологических центров Москвы, а также из Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Владивостока, Новосибирска. Особенностью книги стало появление в ней статей, опирающихся на публикации ушедших из жизни ученых¹⁸. Работа над энциклопедией позволила подвести итоги развития российского Китаеведения, систематизировать накопленные исследовательские материалы, выявить «белые пятна» и наметить перспективные направления исследований. Одна из целей проекта заключалась в том, чтобы «представить китайскую духовную культуру так, как она выглядит сквозь призму российской синологии»¹⁹. И в этом отношении книга вносит вклад не только в постижение Китая, но и в укрепление и развитие традиций отечественной науки.

Символичной была история издания энциклопедии. Выход в свет первого философского тома в 2006 г. совпал с проведением национального Года России в Китае. Это было высоко оценено китайской общественностью, том завоевал первое место на международной книжной ярмарке в Пекине. Завершение публикации энциклопедии «Духовная культура Китая» в 2010 г. не менее символично совпало с проведением Года китайского языка в России, нацеленного на популяризацию среди россиян знаний о китайской культуре. Работа российских ученых внесла свой вклад в содействие культурному сближению между двумя народами.

В июне 2011 г. главный редактор издания М.Л. Титаренко и заместители главного редактора А.И. Кобзев и А.Е. Лукьянов были удостоены Государственной премии Российской Федерации за 2010 г. в области науки и технологий «за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового Китаеведения и подготовку фундаментальной ака-

демической энциклопедии «Духовная культура Китая»²⁰. В официальном сообщении было отмечено: «Широта тематики, точность фактов и глубина теоретической проработки не имеют аналогов ни в одной сопоставимой научной дисциплине. Энциклопедия значительно обогащает программы профессиональной подготовки отечественных китаеведов, открывает новые стратегические направления изучения Китая, создает прочные основы построения конструктивного диалога цивилизаций на евразийском континенте, способствует преодолению культурной и политической конфронтации в Восточно-Азиатском регионе»²¹.

Изучение китайской философской традиции от древности до наших дней

В 2000-е годы российские китаеведы уделяли большое внимание изучению философии конфуцианства и неоконфуцианства. Важным стимулом и источниковедческой основой для развития исследований в этой сфере послужила публикация академического издания «Лунь юй» Конфуция²², подготовленного авторитетным знатоком конфуцианской традиции Л.С. Переломовым. За этот труд в 2000 г. ученый был удостоен премии РАН имени академика С.Ф. Ольденбурга. Помимо этого, появилось исследование и перевод «Лунь юй», выполненное петербургским китаеведом А.С. Мартыновым²³. Книга рассказывает о жизни и судьбе Конфуция, дает характеристику конфуцианства как исторического, этического, литературного и философского феномена.

В 2004 г. под редакцией Л.С. Переломова вышло первое в России полное издание конфуцианского «Четверокнижия» («Сы шу») — снабженного комментариями собрания канонических текстов, оказавших глубочайшее влияние на формирование китайской философской традиции²⁴. Продолжая совершенствовать перевод изречений Конфуция, содержащихся в «Лунь юе», Л.С. Переломов в 2009 г. опубликовал новый обзорный труд по истории развития конфуцианской мысли²⁵. Выход в свет этой книги дает основания утверждать, что российские исследования конфуцианства как феномена китайской мудрости находятся на самом высоком международном уровне.

Заметное место в работе исследователей занимали вопросы места конфуцианства в жизни современного Китая, его отношений с государством и официальной идеологией. Л.С. Переломов в своих публикациях развивал мысль о том, что благодаря политике Дэн Сяопина «в противоположность японскому *конфуцианскому капитализму*, Китай будет строить *конфуцианский социализм*, формально называемый «социализмом с китайской спецификой»²⁶.

Исследователь современной китайской философии и идеологии В.Г. Буров также указал на превращение конфуцианства в одну из основных составляющих духовной культуры современного китайского общества. Ученый отметил, что в китайских исследовательских кругах сформировался консенсус в отношении трактовки роли конфуцианства в современном развитии страны — это квинтэссенция традиционной культуры, движущая сила модернизации и духовная сила обновления общества. «Конфуцианство нельзя рассматривать как обычное философское учение или научную теорию, это компендиум вечных универсальных истин, которые верны во всех обстоятельствах и при всех общественных режимах. С самим его содержанием связана жизнь и жизнь конфуцианского учения. Выступая как моральная философия, оно воспитывает людей в духе высоких нравственных идеалов, делает их нравственно совершенными, осознающими свое общественное предназначение, свой профессиональный и семейный долг»²⁷. По мнению исследователя, в КНР «время нигилистического отношения к отечественным духовным и философским традициям кануло в лету. Не исключено, что в обозримом будущем мы увидим в Китае феномен конфуцианского марксизма, т.е. конфуцианизацию марксистского учения»²⁸. В одной из последующих пуб-

ликаций В.Г. Буров заметил, что участники китайских дискуссий о модернизации и духовной традиции стараются обойти стороной вопросы возможного обогащения марксизма элементами конфуцианства или их совмещения в едином учении. «Но возможность такого заимствования, видимо, не исключена, учитывая появление в 1980-е годы концепции «социализма с китайской спецификой»...»²⁹.

Эти проблемы заинтересовали исследователей молодого поколения, получивших кандидатские степени в 2000-е годы. А.В. Аллаберт попыталась обобщить и систематизировать различные трактовки конфуцианства в современном китайском обществоведении, проследить их связь с официальной идеологией КПК³⁰. Было высказано предположение, что внедрение конфуцианства в общественную жизнь уже вышло за пределы фрагментарного заимствования его отдельных аспектов (культивирование морали, внимание к практике, лозунг «народ как основа», пропаганда неподкупности чиновников). «На современном этапе развития общества и государства в Китае эти концепции начали разрабатываться как единая система ценностей, обогащенная особенностями развития современного китайского общества»³¹.

Исследователь подчеркнула абсолютные «вневременные» и «непреходящие» культурные характеристики конфуцианства, выступающего в современном Китае как источник стабильности и устойчивости власти, и вместе с тем, как инструмент реформ и развития культуры. Интерес китайских обществоведов к конфуцианству растет, однако их усилия носят ограниченный и фрагментарный характер, проблема формирования целостного взгляда остается нерешенной. «Вместе с тем конфуцианские принципы, которые используются в политической практике современного Китая, выступают в качестве комплекса идей, отчасти связанных с «современным постконфуцианством», что дает основание говорить о *новом этапе* в развитии конфуцианской доктрины»³².

В своем исследовании³³ Д.Е. Мартынов дал убедительный анализ взаимодействия национальной самобытности и значения сохранения самоидентичности культуры в условиях тесных глобалистских связей. Указав на проведение в КНР крупномасштабных конференций на конфуцианские темы и создание структур, поддерживающих изучение и пропаганду конфуцианского наследия, он заключил, что «конфуцианский ренессанс стал органической частью построения социализма с китайской спецификой»³⁴. Исследователь также сделал вывод о сохранении воздействия традиционных подходов на процесс модернизации в Китае: «Методология неоконфуцианства продолжает оказывать воздействие на теоретический курс КПК на современном этапе. В частности, это выражается в применении «дедуктивного подхода» по отношению к социальным проблемам: в идеократическом обществе идеологическое воздействие превалирует над собственно институтами...»³⁵. Он также отметил, что в начальный период реформ в Китае были унаследованы традиции массовых кампаний Мао Цзэдуна, однако их содержание, методы проведения и цели изменились: «Отныне функцией массовой индоктринации становилось в значительной степени возвращение к общеконфуцианской системе ценностей с приоритетом понятий социальной и экономической стабильности, консенсусного разрешения конфликтов и т.п.»³⁶.

Важной попыткой обобщающего исследования неоконфуцианства стала опубликованная в 2002 г. книга А.И. Кобзева³⁷. Автор уделил большое внимание проблемам философской методологии, уточнению терминологических толкований, выявлению интеллектуальной специфики различных периодов тысячелетнего развития этого течения от династии Сун до наших дней. А.И. Кобзев сосредоточил внимание на вопросах этики, антропологии и теории познания неоконфуцианства. Центральное место в работе занимает исследование учения Ван Янмина, охарактеризованного как «апогей имманентного развития китайской классической философии»³⁸. Примечательной особенностью книги стало включение в нее перспективы конфуцианской мысли XX в., включая гуманистическую трактовку древнего наследия Ду Вэймином и «моральную метафизику» Моу Цзун-

сая. Исследователь отметил, что современные формы развития конфуцианства значительно отличаются от предшествующих этапов, поскольку в сферу философствования в Китае проникли «чужеродные» западные концепции.

И.Т. Зограф и А.С. Мартынов опубликовали текст неоконфуцианского философа Чжу Си, посвященный проблеме сознания (*синь*)³⁹. К переводу 44-ой цзюани «Полного собрания сочинений Чжу-цзы, составленного по императорскому повелению», были добавлены предисловие, раскрывающее значение данного текста в истории китайской мысли, и подробный грамматический очерк языка Чжу Си. Авторы перевода отмечали, что «в отличие от европейской философской традиции китайских мыслителей занимала проблема не того, с какой мерой адекватности индивидуальное сознание отражает объективный мир, а того, в какой мере это сознание можно освободить от тирании впечатлений с тем, чтобы вернуть ему самостоятельность»⁴⁰.

А.С. Мартынов отметил, что ранние конфуцианцы интересовались проблемами сознания, однако позднее в ханьском конфуцианстве их вытеснила «космическая тематика». Автор вводного текста сделал акцент на новизне неоконфуцианской философии. Он указал, что произошла «резкая смена сверхзадачи во всей конфуцианской духовной традиции, принесшая невиданную ранее социальную интеллектуальную активность, продиктованную желанием всего образованного общества достичь личного понимания всей духовной глубины философского наследия совершенномудрых»⁴¹. Если прежнее конфуцианство было обращено в прошлое и стремилось к разработке этики на основе учений древних мудрецов, то неоконфуцианцы, не без влияния со стороны буддизма, обратились к анализу собственного сознания. Это специфическое стремление к разработке проблем познания было связано с тем, что «неконфуцианские мыслители должны были выявить в сознании человека полученное им свыше этическое содержание... гносеологические усилия должны были привести к четкому разделению в мире и человеке того, что должно быть «выправлено», и того, что должно быть выявлено»⁴². А.С. Мартынов подчеркнул, что неоконфуцианские гносеологические поиски были нацелены на принципы-*ли*, которые содержались в сознании, и потому их можно охарактеризовать как самопознание, носившее внутренний характер.

В 2008 г. ИДВ РАН приступил к осуществлению нового исследовательского и издательского проекта «Философия и культура Китая». В серии книг, посвященных духовной культуре и истории Китая, были опубликованы две работы по неоконфуцианству. В 2009 г. вышел в свет сборник о философском наследии Чжоу Дунъя⁴³. В него вошли исследование неоконфуцианской традиции XI—XII вв. (А.С. Рысаков), переиздания выполненных Н.Я. Бичуриным переводов трактатов «Тай цзи ту шо» («Изыяснение Плана Великого предела») и «Тун шу» («Книга о проницаемости»), их современные переводы и исследование А.Е. Лукьяновым. В книге приводятся параллельные поэтические и прозаические переводы эссе Чжоу Дунъя. Помимо этого, в 2013 г. в серии издан сделанный А.С. Рысаковым прокомментированный перевод трактата «Чжэн мэнь» («Исправление неразумных») неоконфуцианского мыслителя Чжан Цзя⁴⁴.

В 2001 г. в серии «Философское наследие» издательства «Мысль» был опубликован выполненный Г.А. Ткаченко перевод трактата «Люйши чуньцю» («Весны и осени Люй Бувэя») ⁴⁵. Это синкретический памятник древнекитайской философской прозы, охватывающий широкий круг проблем. Во введении к переводу ученый указал на композиционную стройность памятника, призванную отразить единство Вселенной, а также на понимание мира как системы отношений неба, земли и человека. В системе ценностей представленной в «Люйши чуньцю», исследователь выделил ряд парных категорий — единое и двойственное, мудрость и невежество, порядок и смута, прекрасное и безобразное. Г.А. Ткаченко отметил важность темы упорядочения мира и его нумерологического описания: «В центре всех построений авторов памятника стояла проблема единства и многообразия мира, притом понимаемая таким образом, что очевидное многообра-

зие явлений может и должно быть сведено к простым величинам, выражающим соотношения вещей в природе»⁴⁶.

В последние годы отечественные исследователи проявили значительный интерес к тексту «Сань цзы цзин» («Троесловие»), многие века служившего в Китае задачам воспитания подрастающего поколения. Толкованию текста на фоне реалий современного китайского общества уделил внимание Ю.М. Галенович⁴⁷. Тематический юбилейный сборник был издан к 185-летию первого русского издания «Троесловия» в переводе Н.Я. Бичурина. В него вошли переводы самого текста и изъяснения к нему, выполненные Н.Я. Бичуриным, а также два современных поэтических перевода «Троесловия» на русском (В.П. Абраменко) и чувашском (П.Я. Яковлев) языках⁴⁸.

Новым начинанием в популяризации китайских классических текстов стала публикация их поэтических переводов. В частности, появились два подобных перевода «Дао дэ цзина». Л.И. Кондрашова подготовила ярко иллюстрированное издание стихотворного перевода древнекитайского трактата, приписываемого традицией Лао-цзы⁴⁹. Перевод сопровождается предисловием, послесловием и комментариями, в которых дается аргументированное обоснование аутентичности содержания поэтической форме перевода этого трактата. А.Е. Лукьянов и В.П. Абраменко предложили российскому читателю прозоритмический и поэтический переводы «Дао дэ цзина»⁵⁰. Продолжением их совместной работы стала публикация под одной обложкой научного перевода и поэтического переложения «Лунь юй» Конфуция⁵¹.

Исследователи стремились выявить связи философии и культуры в истории Китая. А.Г. Сторожук изучил влияние конфуцианства, даосизма и буддизма на развитие культуры дин. Тан⁵². Ученый использовал метод выделения ключевых «концептов» каждого из трех учений, наложивших отпечаток на художественное творчество эпохи. К примеру, конфуцианские идеи «исправления имен» в интересах процветания Поднебесной и устранения моральных недостатков правителя должны были обрести силу, воплотившись в художественном тексте ритуального характера. Автор отметил, что эти идеи оказали большое влияние на танское движение «возрождения древности» (*фу гу*). Конфуцианские мотивы обусловили стремление литераторов к простоте и ясности изложения, отражению в своем творчестве общественных проблем. Движение за возрождение древней письменной культуры-*вэнь*, олицетворением которого стал Хань Юй, пыталось сформулировать толкование пути в связи с конфуцианским служением и создать пример, которому могли бы подражать будущие поколения. В работе также указано на влияние числовой символики «Книги перемен» на метрическую организацию уставных стихов.

Буддийские концепты в художественной литературе Тан — это пустота (*кун*) и «мир произведения» (*цзин*). Автор указал, что в этом контексте художественное произведение выступает как «искусно организованная Пустота», а восприятие окружающего мира формируется на основе создания «границ» или «опорных точек». В танскую поэзию вошла перспектива «сейчас», не подверженная характеристикам времени, передающая ощущения просветленного и выступающая в роли инструмента установления координат Пустоты. Из даосизма в художественное творчество пришли понятия пустоты (*сюй*), *ци* как выражения меры таланта, духа-*шэнь* как выражения меры вдохновения. Из даосского мировоззрения в литературу пришли сюжеты, посвященные трансформациям души человека после ее освобождения от телесной оболочки. Исследователь подчеркнул, что пустотность как проявление великой пресности (Абсолюта) приобрела роль основного принципа организации художественного текста, танские литераторы использовали даосскую стилизацию для того, чтобы рассказать об одиночестве человека и несовершенстве мира. Книга А.Г. Сторожука — это комплексное исследование, расположенное на стыке истории философии, религиоведения и литературоведения, в работе использовано большое количество авторских переводов китайских художественных текстов.

Отечественные исследователи продолжали поиски в области постижения традиционной китайской методологии. Публикации В.Е. Еремеева, посвященные изучению нумерологических аспектов «Книги перемен»⁵³ и философско-мировоззренческих основ традиционной китайской науки, внесли заметный вклад в развитие структурной школы изучения китайской философии. Исследователи творчества безвременно ушедшего из жизни ученого отмечают, что концепция арифмосемиотики В.Е. Еремеева привлекательна «в силу ее объяснительного и классификационного потенциала при наложении на разные сферы знаний, поэтому она заслуживает пристального внимания историков, философов и методологов»; главная идея арифмосемиотики состоит в том, что «Человек — посредник обменных процессов между Небом и Землей, и его действия влияют не только на его личную судьбу, но и на судьбу мира»⁵⁴. Помимо этого, необходимо упомянуть о самобытных творческих попытках Л.И. Головачевой провести «пре-синологическую» филологическую и структурную реконструкцию «Лунь юй»⁵⁵.

В публикациях, увидевших свет в начале нового столетия, отечественные исследователи стремились выявить место китайской философии нового и новейшего времени в контактах цивилизаций Китая и Запада. Л.Н. Борох проанализировала вклад Лян Цичао в процесс переосмысления конфуцианства под воздействием западных учений на рубеже XIX—XX вв.⁵⁶ В центре внимания оказался процесс перенесения ключевых понятий западной мысли в традиционную китайскую систему взглядов на этику и политику. Под влиянием идей Бокля, Монтескье и Руссо Лян Цичао призывал превратить китайцев в «народ-гражданин» (*гоминь*), активизировать у людей их «изначальный дух» (*юань ци*), для чего было необходимо воспитывать новые жизненные ценности независимости, свободы, конструктивного эгоизма, уверенности в себе и способности управлять собой. Мыслитель подчеркивал, что только независимые личности, не стремящиеся опираться на других, смогут бросить вызов традиционной стратификации и создать современное сообщество. «В конструктивном эгоизме, т.е. в активных действиях человека, отстаивающего свой интерес, Лян Цичао увидел одну из причин возвышения Запада, а также одно из условий выживания китайской нации и ее оформления в правовое государство»⁵⁷.

Идея активного участия людей в историческом процессе вела к оправданию разрушения, направленного на освобождение народа от подчинения, а также к острой критике воспитанных в условиях абсолютизма негативных черт характера китайцев (невежество, рабство, себялюбие). В трактате «Синь минь шо» («Учение об обновлении народа») Лян Цичао сформулировал новые требования — развитие национализма для защиты от произвола иностранных держав, принятие идеи «права сильного», отказ от прежнего акцента на воспитании у людей уступчивости и мягкости. Чтобы спасти ханьский этнос, мыслитель призывал к воспитанию у народа «общей добродетели» (*гун дэ*), нацеленной на «общую пользу».

Л.Н. Борох показала, как под влиянием драматических событий внутри Китая Лян Цичао пересмотрел свои взгляды — он отказался от европейских идей «общественного договора» и республиканского правления в пользу усиления роли государства и ограничения индивидуальной свободы. Мыслитель пришел к выводу, что за долгие годы монархии, и особенно при дин. Цин, «личные добродетели» китайцев пришли в состояние глубокого упадка, и потому невозможно говорить о готовности людей к немедленному революционному переходу к демократии. Он отказался от принципа разрушения и стал противником анархизма, полагая, что на воспитание у людей новых возвышенных целей потребуются десятилетия, как и на укоренение в Китае заимствованных на Западе этических норм. Рассмотренный в книге на примере эволюции идей Лян Цичао процесс перехода от увлечения западничеством к осторожному консерватизму представляет большой интерес, поскольку подобная смена воззрений не раз происходила среди китайских интеллектуалов в последующие десятилетия.

Понимание идейных процессов в Китае в конце XIX — начале XX вв. расширила публикация Д.Е. Мартынова, посвященная Кан Ювэю⁵⁸. В книгу вошел полный перевод «Автобиографии» мыслителя и политического деятеля, охватывающей события от детства и юности Кан Ювэя до реформаторского движения 1898 г. и его поражения. Дополняет этот текст биография Кан Ювэя, написанная его внуком Ло Жунбаном, она охватывает период 1898–1927 гг. В подробном авторском предисловии, посвященном рассмотрению взглядов мыслителя, Д.Е. Мартынов охарактеризовал его как «конфуцианского утописта эпохи декаданса», заметив: «Кан Ювэй оказался самым последовательным конфуцианцем среди современников — сторонником срединного пути постепенного преобразования политических институтов и социального строя страны как средства ее сохранения и возрождения»⁵⁹. Избрав популярный стиль изложения материала, автор осветил политические взгляды Кан Ювэя, его личностные характеристики, его отношение к конфуцианской традиции и утопические воззрения. В частности, он указал на двусмысленность исходной трактовки Кан Ювэя, в которой «всемирное единение практически неотличимо от китайского национализма»⁶⁰.

В 2009 г. была опубликована книга А.Б. Старостиной, посвященная философским взглядам видного конфуцианского традиционалистского мыслителя XX в. Лян Шумина⁶¹. В работе были проанализированы онтология, эпистемология и теория культуры Лян Шумина, его трактовка мировой истории на фоне традиционных китайских исторических концепций. Сам мыслитель был охарактеризован как «единственный из современных конфуцианцев, который создал систематическую теорию исторического процесса, объединенную с философией культуры»⁶². По мнению исследователя, это важная черта, поскольку в последнее столетие многие конфуцианские мыслители занимались философией культуры, но не философией истории. В книге подчеркивается, что хотя Лян Шумин представил собственную типологию культур, все же именно философия истории является наиболее репрезентативной частью его системы.

Достоинством работы А.Б. Старостиной стала попытка проследить эволюцию культурных и исторических воззрений Лян Шумина от 1920-х к 1970-м годам, не останавливаясь лишь на рассмотрении его наиболее известной ранней работы «Культуры Востока и Запада и их философии». Значительный интерес представляет трактовка автором цикличности и линейности в восприятии истории, равно как и попытка определить исторические корни учения Лян Шумина — буддизм, традиционное конфуцианство и западные учения, включая марксизм. В книге подчеркнуто, что рассмотрение типологии культур Лян Шумина помогает понять не только историю конфуцианской мысли XX в., «но и дать представление о механизмах решения проблемы глобализации»⁶³, равно как и об опасных последствиях огульной вестернизации для судеб национальных культур — с предостережениями по этому поводу мыслитель выступал еще в 1920-е годы.

Исследование религий Китая

Заметное развитие получило в 2000-е годы исследование традиционных религий Китая. В частности, работу по специализированному изучению религиозного даосизма и древних даосских текстов проводил Центр синологических исследований Амурского государственного университета. Руководитель Центра профессор С.В. Филонов опубликовал монографию о даосской антропологии, основанную на комплексном анализе ранних письменных памятников из книжного собрания школы Шанксин (Высшей чистоты)⁶⁴. Ученый подробно исследовал памятники «Хуан тин цзин» («Книга желтого двора») и «Су лин цзин» («Канон безыскусного духа»), которые появились уже в III в. Исследователь подчеркнул, что эти тексты «впервые в истории даосизма развернуто зафиксировали концепцию антропологического космоса — систему представлений о человеке, рассмат-

риваемом в качестве пространства экспликации главнейших сил мироздания», их важнейшей темой было названо «преодоление смерти и торжество жизни»⁶⁵.

С.В. Филонов провел детальную реконструкцию древнего даосского учения о поиске высшего состояния внутри человека и связанных практик визуализации божеств из внутреннего антропологического космоса. Корреляция божеств с органами физического человеческого тела (сердцем, легкими и т.д.) не превращает эти трактаты в медицинские сочинения, поскольку речь в них идет о религиозной практике освоения человеком собственного «внутреннего ландшафта» и установления контакта с населяющими его божествами. В исследовании продемонстрирована параллельность даосских взглядов на антропоцентрический космос и мироздание в целом, подробно раскрыты древние представления о возможности преодоления влияния присутствующих внутри человека «смертоносных начал». Книга представляет несомненный интерес для тех, кто интересуется развитием антропологических представлений древних китайцев и учением даосизма.

Обобщающее исследование феномена китайских синкретических или «тайных» религий в XX в. предпринял К.М. Тертицкий⁶⁶. Ученый напомнил, что помимо буддизма и даосизма, в религиозной жизни китайцев присутствуют сотни течений, продемонстрировавших свою жизнеспособность на фоне гонений со стороны властей. В книге описаны два десятка важнейших китайских «тайных» религий XX в., приводится содержательная информация об их истории, вероучении, иерархической структуре, религиозной практике, опыте взаимоотношений с властями, нынешнем состоянии в материковом Китае, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре. Работа прослеживает связь подъема синкретических религий с социальными переменами прошлого столетия, питавшими в народе эсхатологические настроения.

Исследователь указывает на устойчивость этих общин, которые сумели пережить гонения и вновь добиться широкого распространения в ряде районов Китая, сохранив религиозную практику и воззрения. «Народные тайные религии» оказались жизнеспособными, поскольку предлагали людям в период социальной нестабильности простые и привлекательные нравственные ориентиры. «Вероучение синкретических религий зачастую было обращено к китайскому крестьянину, стоявшему во многом вне элитарной культуры империи, но одновременно ощущавшему свою причастность к ней»⁶⁷. Автор счел выдвинутые в адрес «тайных религий» обвинения в сектантстве необоснованными, предположив, что в перспективе эти учения могут вновь обрести заметное место в общественной жизни после их легализации в материковом Китае.

Теме китайского религиозного синкретизма был посвящена публикация А.Д. Зельницкого⁶⁸. Он поставил вопрос о правомерности применения термина «религиозный синкретизм» ко всему комплексу китайских верований и учений, призвав уточнить это понятие — «следует ли его относить к феноменам, присущим исключительно культурным традициям низовых слоев населения, идет ли речь о результате взаимодействия «трех учений» или, возможно, его можно применять как описание типологической особенности всей духовной культуры Китая»⁶⁹. На основании рассмотрения истории даосско-буддийского взаимодействия и анализа особенностей использования буддийской терминологии в даосских текстах XVIII в. на примере трактата Лю Хуаяна «Хуэй мин цзи» («Канон мудрости и жизненности») автор пришел к выводу, что отношения власти, буддизма и даосизма не всегда носили религиозный характер, и «есть основания охарактеризовать данную систему скорее как эклектичную, но далеко не всегда синкретичную»⁷⁰.

Возможность проведения обследований в Китае открыла перед исследователями новые горизонты в изучении практических аспектов современной религиозной жизни китайцев. Работа Е.А. Завидовской о храмовых объединениях и религиозной жизни крестьян основана на материалах, собранных в провинциях Шаньси и Шэньси⁷¹. Проведен-

ные опросы местных жителей, религиозных активистов и кадровых работников позволяют понять, как происходило возрождение и видоизменение религиозной практики в годы реформ. В работе рассмотрена социология религиозной жизни, связанная с совместными действиями людей по восстановлению храмов и организации храмовых праздников, коллективным сбором пожертвований с каждого двора общины, объединенной вокруг храма. Еще больший интерес вызывает раздел книги, посвященный индивидуальному восприятию религии. Люди обращаются к божествам с просьбами о богатстве, появлении потомства, возносят молитвы о благополучии членов семьи. Некоторые просят божество помочь им сохранить накопленное богатство или уже полученную должность, местные партийные начальники тайным образом жертвуют храму деньги после повышения по службе.

Автор отмечает, что многовековая традиция взаимодействия с потусторонним миром остается массовой, люди просят божества о помощи, совершают ритуалы для того, чтобы поддержать сложившееся равновесие и избежать вмешательства негативных сил в этой жизни, равно как и наказания в загробном мире. Китайские крестьяне испытывают потребность в чуде как подтверждении эффективности культа, «проявления божественной воли» становятся стимулами для возрождения храмов. Происходящие в обществе перемены оказывают влияние на религиозную сферу, личное паломничество и обращение к божествам начинает преобладать над традиционным коллективным поклонением. После периода гонений произошло обеднение и упрощение верований, многие смыслы религиозного ритуала стали непонятны. Людей убедили в том, что их вера — «предрассудок», но они не хотят от нее отказываться, страшась кары божества. Исследование показало, что ими движет не только прагматизм, но также искреннее стремление к самосовершенствованию через религию. Об «отмирании» религиозной жизни в Китае говорить пока не приходится. «С процессом модернизации страны ритуалы и храмовые мероприятия не только не угасают, но, напротив, питаемые появившимися в деревне свободными частными средствами, набирают силу и масштаб»⁷².

Опубликованное в 2005 г. исследование современного положения даосской религии в Китае⁷³ также опирается на проведенные авторами полевые исследования, включающие выборочное анкетирование, беседы с насельниками даосских монастырей, присутствие на даосских службах. Книга содержит богатую фактическую информацию о современной ритуальной практике даосов, подготовке священнослужителей, монастырской иерархии и практике приема в монастыри — в частности, указано на тенденцию к омоложению даосских священнослужителей. Материалы обследований дополняются изучением официальных документов и постановлений Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД). Вэнь Цзянь и Л.А. Горобец отмечают, что в Китае набирает силы процесс восстановления утраченных даосских храмов и кумиров, тем временем в религиозной практике остаются распространенными гадания и ритуалы шаманского типа. Было высказано мнение о том, что в современном Китае даосизм более влиятелен, чем буддизм: «Определить реальную значимость даосизма в целом можно, лишь приняв во внимание его опосредованное влияние через указанные формы с учетом синкретических тенденций»⁷⁴. В книге рассмотрена государственная политика в отношении даосизма, включая меры по финансовой поддержке восстановления храмов и регулирование мест отправления культа, рассмотрена роль даосизма в жизни современного китайского общества. В качестве приложения представлены переводы на русский язык документов ВАПД — устав ассоциации, правила ВАПД по управлению монастырями и временные правила ВАПД об управлении даосами школы Чжэнью, живущими в миру.

Проблемы взаимоотношения китайской буддийской общины с обществом и государством нашли отражение в исследовании С.А. Горбуновой⁷⁵. В книге были рассмотрены исторические процессы восприятия буддизма в Китае, обусловившие его устойчивость на фоне социальных перемен в XX в. и способность к возрождению рели-

гиозной структуры. Большое внимание было уделено деятельности Буддийской ассоциации Китая и проблемам взаимоотношения буддийской общины и государства. Исследователь указывает, что тенденция возрождения китайского буддизма восходит ко второй половине XIX в., в республиканский период появились концепции социально ориентированного буддизма, испытавшие воздействие европейской мысли, позднее буддийские реформаторы вдохновлялись идеями марксизма. Обращаясь к проблемам наших дней, автор замечает: «Постепенно охваченное реформами общество начало поворачиваться к буддизму. В то же время и современные буддисты адекватно реагируют на вызовы времени. В результате вырисовывается форма диалога религии и власти»⁷⁶. Исследователи ИДВ РАН также уделили внимание проблеме воздействия буддийского фактора на внешнюю политику Китая⁷⁷.

Ученые уделяли большое внимание прошлому и современному положению иностранных религий в Китае. В 2000-е годы появились новые публикации, посвященные христианству в Китае, об истории деятельности иезуитов рассказывала работа Д.В. Дубровской⁷⁸. В книге рассмотрены институциональные аспекты становления и развития иезуитской миссии, большое внимание уделено наследию Маттео Риччи, Адама Шалль фон Белля, Фердинанда Вербиста. Помимо освещения вклада миссионеров в ознакомление Китая с достижениями европейской науки, в книге рассмотрен ряд аспектов культурной адаптации католицизма в Китае, а также возникавшие на этой почве конфликты.

Монография А.В. Ломанова представила широкую обобщенную картину восприятия и истории интерпретации китайской культуры иностранными миссионерами и китайскими христианами⁷⁹. Основное место в исследовании заняла история взаимодействия идей и мировоззрений, а не развития миссионерских и церковных институтов. Автор сосредоточил внимание на изучении способов адаптации христианства к китайской культуре и выявлении ключевых постоянных компонентов этого диалога, опирающихся на неизменность библейского учения и устойчивость китайской традиции к внешним влияниям. Помимо деятельности ранних иезуитских миссий, оказавших большое влияние на формирование межцивилизационных контактов Китая и Запада, в книге были рассмотрены история культурной адаптации несторианства, а также развитие протестантских и католических миссий в XIX—XX вв.

Многие примечательные аспекты истории христианства в Китае и современной религиозной ситуации в стране были раскрыты в книге П.М. Иванова⁸⁰. Речь идет о христианском компоненте в мировоззрениях Сунь Ятсена и Чан Кайши, развитии христианства на Тайване, деятельности китайской секты христианского толка «Дом собраний» и не имеющей отношения к христианству секты «Фалуньгун». Несколько разделов работы посвящены истории православия в Китае — миссионерским переводам Нового Завета на китайский язык, деятельности православных миссионерских станом в Китае в начале XX в., а также истории возникновения Московского подворья Российской духовной миссии. После 2000 г. был опубликован ряд книг, посвященных истории православия в Китае⁸¹.

А.Г. Алексанян выполнил первое специализированное исследование истории манихейства в Китае⁸². Он изучил проблемы культурной и мировоззренческой адаптации этой религии, провел тщательное исследование терминологии манихейских текстов на китайском языке, в приложение к книге вошли переводы двух основных сохранившихся документов («Краткое изложение учения и обрядов Мани, Будды света» и «Трактат Пельо»). В сфере изучения ислама проблемы взаимоотношений мусульманской общины с властями КНР были обстоятельно освещены в работе В.С. Кузнецова⁸³.

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 томах + доп. том / Гл. ред. М.Л. Титаренко. ИДВ. М.: Вост. лит. РАН, 2006–2010. Т. 1: Философия (2006. 727 с.); Т. 2: Мифология. Религия (2007.

- 869 с.); Т. 3: Литература. Язык и письменность (2008. 855 с.); Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура (2009. 935 с.); т. 5 Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование (2009 г., 1087 с.); Т. 6 (доп.): Искусство (2010. 1031 с.).
2. Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: Сб. ст. под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 535 с., карта.
 3. Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. Титаренко М.Л. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 735 с.
 4. *Феокистов В.Ф.* Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / Отв. ред. Титаренко М.; Л: Вост. лит. РАН, 1999. С. 129—135.
 5. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 171.
 6. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста: Кн. руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, 2010. С. 133.
 7. Там же. С. 144.
 8. Там же. С. 463, 468.
 9. Китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952; 2-е испр. и доп. издание. 1955. Более 70 тыс. слов и выражений; Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах. Ок. 250 тыс. слов и выражений / Сост. коллективом китаистов под руководством и редакцией проф. И.М. Ошанина. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1984.
 10. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. М.: Вост. лит. РАН. 2003. Кн. 2. С. 263.
 11. Китай. М.: Гос. науч. изд-во БСЭ, 1954 (Отдельно изданная статья из т. 21 2-го изд. БСЭ).
 12. Китайская философия: энцикл. словарь. ИДВ РАН / Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994.
 13. *Ткаченко Г.А.* Культура Китая от А до Я: Словарь-справочник. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008.
 14. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., Астрель; АСТ; Изд.-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000.
 15. *Кобзев А.И.* Энциклопедизм китайской культуры и энциклопедия «Духовная культура Китая» // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 421.
 16. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1 Философия / Ред. М.Л.Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов. М., Вост. лит. РАН, 2006. С. 13.
 17. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2 Мифология. Религия / Ред. М.Л.Титаренко и др. М.: Вост. лит. РАН, 2007. С. 13.
 18. К примеру, в т. 2 энциклопедии были включены восемь статей по китайской мифологии, основанные на материалах книги российского китаевода и генерального консула в Пекине П.С. Попова (1842–1913) «Китайский пантеон» (СПб.: Типогр. Акад. наук, 1907).
 19. *Кобзев А.И.* Энциклопедизм китайской культуры и энциклопедия «Духовная культура Китая» // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 428–429.
 20. URL: <http://www.kremlin.ru/news/11508>.
 21. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/959.
 22. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй»: Исслед., пер. с кит., коммент. Факс. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998.
 23. *Мартынов А.С.* Конфуцианство. «Лунь юй»: в 2 т. / Пер. с кит. Мартынова А.С. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. Т. 1. 367 с. (Сер.: Мир Востока; 10); Т. 2. 372 с. (Сер.: Мир Востока; 11).
 24. Конфуцианское «Четверокинижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С.Попова при участии В.М. Майорова. Вступ. ст. Л.С. Переломова; ИДВ РАН. М., Вост. лит. РАН, 2004. 431 с. В книгу вошли опубликованный в начале XX в. текст «Мэн-цзы» в переводе П.С. Попова, а также переводы современных исследователей — Л.С. Переломова («Лунь юй»), А.И. Кобзева («Да сюэ»), А.Е. Лукьянова («Чжун юн»).
 25. *Переломов Л.С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. — XXI в.). М.: ИДВ РАН; «Стилсервис», 2009. 410 с.: ил.
 26. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 213.
 27. *Буров В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФ РАН, 2000. С. 118.

28. Там же. С. 151–152.
29. Буров В.Г. Модернизация и духовные традиции в Китае // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 459.
30. Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — начало XXI века). М.: ИДВ РАН, 2008. 228 с.
31. Там же. С. 196.
32. Там же. С. 196–197.
33. Мартынов Д.Е. Конфуцианское учение и маоизм: Из истории соц.-полит. теории и практики Китая в XX в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 368 с.
34. Там же. С. 303.
35. Там же. С. 309.
36. Там же.
37. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 606 с.
38. Там же. С. 48.
39. О сознании (Синь): Из философского наследия Чжу Си / Пер. с кит. Мартынов А.С., Зограф И.Т.; вступ. ст. и коммент. к пер. Мартынов А.С.; грамMAT. очерк Зограф И.Т. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 312 с. (Памятники письменности Востока; 72).
40. Там же. С. 13.
41. Там же. С. 58.
42. Там же. С. 96.
43. Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии. М.: ИДВ РАН, 2009. 376 с. В прил. воспроизводится факсимиле включенных в книгу произведений Чжоу Дуньи.
44. Чжан Цзай. Исправление неразумных. Исследование и перевод А.С. Рысакова. М.: ИДВ РАН, 2013. 312 с.
45. Льюйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А.Ткаченко. Сост. И.В.Ушаков. М.: Мысль, 2001. 525 с. (Философ. Наследие; т. 132).
46. Там же. С. 61.
47. Троеслобие: Сань-цзы-цзин / Пер. и коммент. Ю.М. Галеновича. М.: ИДВ РАН, 2010. 368 с.; Троеслобие. (Сань-цзы-цзин). Доп. изд. / Пер. с кит., предисл. и примеч. Ю.М. Галеновича. М.: Рус. панорама, 2012. 295 с.: ил., карты.
48. «Сань цзы цзин» («Троеслобие») / Пер. с кит. Отв. ред. М.Л. Титаренко; Сост. В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2013. 156 с., ил.
49. Лао Цзы. Дао-Дэ цзин или Трактат о Пути и Морали. Предисл. и стихотв. перевод с древнекит., послесл. Кондрашовой Л.И. М.: Рипол классик, 2003. 222 с., ил.
50. Дао дэ цзин: Прозоритмич. пер. с древнекит. и исслед. А.Е. Лукьянова. Поэтич. пер. В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН; «Стилсервис», 2009. 452 с.: ил.
51. Беседы и суждения. Лунь юй / Науч. пер. и исслед. А.Е. Лукьянова. Поэтич. переложение В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2011. 464 с.: ил.
52. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: ООО «Типограф. «Береста»», 2010. 552 с.
53. Еремеев В.Е. Символы и числа «Книги перемен». 2-е изд., испр. и доп. М.: Ладомир, 2005. 599 с.
54. Орлова Н.А. Арифмосемиотика в реконструкции В.Е.Еремеева // Еремеев В.Е. «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады. М.: Вост. лит. РАН, 2013. С. 41.
55. Головачева Л.И. Изучение «Лунь юй» и гипотеза развития китайской письменности // Пробл. Дальнего Востока. 2000. № 3. С. 148–160; Головачева Л.И. Конфуций поистине непросто // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: ИВ РАН, 2010. С. 323–332.
56. Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX—XX веков. Лян Цичао: теория обновления народа. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 287 с.
57. Там же. С. 55.
58. Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: жизнеописание: Пер. с кит. и англ. яз. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. 328 с.
59. Там же. С. 7.
60. Там же. С. 90.
61. Старостина А.Б. Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН, 2009. 280 с.
62. Там же. С. 4.

63. Там же. С. 212.
64. *Филонов С.В.* Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники III—VI вв. СПб.: Петербург. востоковедение, 2011. 656 с.
65. Там же. С. 541.
66. *Тертицкий К.М.* Китайские синкретические религии в XX веке. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 415 с.
67. Там же. С. 366.
68. *Зельницкий А. Д.* Китайский «религиозный синкретизм». СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та сервиса и экономики, 2008. 139 с.
69. Там же. С. 13.
70. Там же. С. 130.
71. *Завидовская Е.А.* Храмовые объединения и религиозная жизнь крестьян современного Китая. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009. 128 с.
72. Там же. С. 118.
73. *Вэнь Цзянь, Горобец Л.А.* Даосизм в современном Китае. СПб.: Петербург. востоковедение, 2005. 160 с.
74. Там же. С. 48.
75. *Горбунова С.А.* Китай: религия и власть: история китайского буддизма в контексте общества и государства. М.: Форум, 2008. 319 с.
76. Там же. С. 298.
77. *Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: ИДВ РАН, 2006. 379 с.
78. *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: «Крафт+» ИВ РАН, 2000, 256 с.
79. *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 446 с.
80. *Иванов Петр, священник.* Из истории христианства в Китае. М.: ИВ РАН «Крафт+», 2005. 224 с.
81. Бэй-гуань: Краткая история российской духовной миссии в Китае. Сост. Александров Б.Г. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2006. 218 с., ил., *Дацьшен В.Г.* История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.; *Дацьшен В.Г.* Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2011. 432 с.;
82. *Алексян А.Г.* Манихейство в Китае: (опыт историко-философ. исслед.). М.: ИДВ РАН, 2008. 163 с.
83. *Кузнецов В.С.* Ислам в общественно-политической жизни КНР. М.: ИДВ РАН, 2002. 296 с.